

Н. А. Добролюбов

История русской словесности

Лекции Степана Шевырева, ординарного академика и профессора. Часть III. Столетия XIII, XIV и начало XV.

Москва, 1858

Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах.
Том второй. Статьи и рецензии 1859
М., "Художественная литература", 1987
Составление и примечания В. А. Викторovichа и Г. В. Краснова
[OCR Бычков М. Н.](#)

Деятельность г. Шевырева представляет какой-то вечный промах, чрезвычайно забавный, но в то же время не лишенный прискорбного значения. Как-таки ни разу не попасть в цель, вечно делать все мимо, и в великом и в малом! Мы помним, что в начале своей литературной карьеры г. Шевырев отличился статьею: "Словесность и торговля",-- в которой старался доказать, как позорно для писателя брать деньги за свои сочинения; статейка эта явилась именно в то время, когда литературный труд начинал у нас получать право гражданства между другими категориями труда.¹ -- Пустился г. Шевырев в критику -- и произвел в поэты мысли г. Бенедиктова,² который тем именно и отличается, что поэзия и мысль у него всегда в разладе.-- Увлёкся он библиографией, и сочинил, что стихи Пушкина:

Бранной забавы
Любить нельзя --

надобно читать:

Бранной забавы
*Любит не я...*³

Мистицизмом занялся он, и провозгласил однажды "чудное и знаменательное совпадение событий в том, что Карамзин родился в год смерти Ломоносова",⁴ вдруг оказалось, что Карамзин вовсе не родился в год смерти Ломоносова! -- В живописи стал искать себе отрады г. Шевырев, и пришел в восторг от Рафаэлевых картонов, найденных им в Москве; но на поверку вышло, что лухмановские картоны, приведшие его в восхищение, никак не могут быть приписаны Рафаэлю.⁵ -- Фельетонистом однажды сделался почтенный ученый, и принялся рассказывать, как Москва угощала брагой защитников Севастополя;⁶ в действительности оказалось, что брагой их никогда не угощали.-- Захотел он в одном из своих сочинений представить портрет Батюшкова; но в то время, как г. Шевырев принялся рисовать, Батюшков обернулся к нему спиною, и в книге злополучного профессора оказался рисунок, изображающий Батюшкова -- с затылка!..⁷ -- В стихотворство пустился ординарный академик и профессор; но и тут дело кончилось неудачно: известно, как промахнулся он недавно с своим приветствием Белевской библиотеке, которое не могло появиться в самый день, вследствие невеликодушия редактора "Московских ведомостей".⁸ Словом, что ни делал г. Шевырев, производил ли слово *зефир* от *севера*,⁹ изъявлял ли желание взобраться на Александровскую колонну,¹⁰ толковал ли о великом значении Жуковского¹¹ или об отношении семейного воспитания к государственному,¹² вступал ли в русскую горячую беседу,¹³ -- везде его поражали тяжкие удары, везде его деятельность ознаменовывалась самыми несчастными промахами.

Так случилось и с лекциями г. Шевырева о русской словесности. На первых книжках его курса было прибавлено: история словесности, *"преимущественно древней"*,¹⁴ -- и это подало повод одному писателю справедливо заметить: то есть *преимущественно того времени, когда ничего не писали*.¹⁵ Замечание это оправдано г. Шевыревым вполне -- как в первых двух книжках его лекций, так и в третьей,